

Эмма Рудкевич

Игрушка жесток наследника.

Ты уничтожил меня публично,
а тайно восхищался!

18+

18+ содержит нецензурную брань

Эмма Рудкевич

**Игрушка жестокого наследника.
Ты уничтожил меня публично,
а тайно восхищался!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Игрушка жестокого наследника. Ты уничтожил меня публично, а тайно восхищался! / Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Мои рисунки украли прямо перед защитой! Богатая однокурсница выдала их за свои, а меня объявили плагиаторшей, лишили стипендии и выгнали из общежития.— Дешёвка всегда крадёт у тех, кто выше по классу! — публично унизил меня Марк Верещагин, жестокий сын декана. Но вскоре мне написал неизвестный критик под псевдонимом Critique. Он единственный верил в мой талант. Чтобы вернуть своё имя, я согласилась работать с Марком. Каждая наша встреча превращалась в войну. Пока я не узнала правду. Марк и есть мой тайный поклонник! Днём он уничтожал меня, а ночью хранил мои рисунки и восхищался ими. Теперь я заставлю его выбирать. Любовь или власть отца.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эмма Рудкевич

Игрушка жестокого наследника.

Ты уничтожил меня публично, а тайно восхищался!

Глава 1

За кулисами некуда было поставить папку: на столике сушились чужие покрашенные ногти. Держала «Городские легенды» на весу, прижимая угол к животу. От лака щипало нос. Сейчас выйду, покажу мост, получу оценку — и можно будет заплатить за комнату. На остальное денег всё равно не хватит, но комната важнее. Три месяца я рисовала город, в котором мне хотелось жить. А пока мне нужен был адрес, по которому разрешат остаться завтра.

«Ты готова, Алина?» — спросила преподавательница по этике, даже не подняв глаз от телефона.

«Я всегда готова», — соврала я, чувствуя, как коленки предательски дрожат. У папки размок угол под большим пальцем. Перехватила её за корешок, чтобы не испачкать первый эскиз. Мои «неоновые тени» держались даже на паршивом проекторе: я проверяла вчера. Бирюзовый свет под аркой, фиолетовый отсвет в воде — ничего не сливалось в кашу. Кира Волкова могла сколько угодно хихикать в коридорах, но против моего таланта у неё нет шансов.

Когда мои туфли-лодочки простучали по паркету, зал замер. Свет софитов ударил в глаза, ослепив на секунду. Сквозь пелену я увидела ряды студенток: кто-то скучал, кто-то шептался. И там, во втором ряду, сидела Кира. Она листала копии моих набросков. Я прижала свою папку к боку, проверяя, на месте ли листы; её пальцы тем временем скользили по чужой распечатке, а на губах играла улыбка — хищная, самодовольная, будто она уже знала финал этой истории.

«Игнорируй её», — приказала я себе. «Она завистлива. Она дура».

Я включила проектор. Экран вспыхнул белым светом.

— Добрый день, уважаемые члены жюри. Тема моего исследования... — начала я, и голос прозвучал тверже, чем я ожидала.

Слайды сменялись один за другим. Композиция «Утро в районе Красной площади», «Вечерний разворот метрополитена», «Ночной дозор над рекой». Всё было идеально. До тех пор, пока я не переключилась на ключевой кадр.

На экране возникла центральная композиция, над которой я работала три месяца бессонными ночами. Готический арочный мост, отраженный в черной воде, пронизанный фиолетовыми и бирюзовыми неоновыми лучами. Моя работа. Мой стиль. Моё сердце, выложенное на бумаге.

Но под изображением, крупным жирным шрифтом, сияло имя автора:

Кира Волкова.

Сперва я прочитала только «Волкова». Как будто глаз отказывался пройти дальше. Потом имя. Кира. На моём мосту, под моей аркой, в той самой полоске, которую я оставила для подписи.

— Что это? — голос декана, отца Марка, резанул тишину, как скальпель. — Алина, объясни этот слайд.

Я бросилась к ноутбуку. Пальцы судорожно забарабанили по клавиатуре, пытаясь вернуть старый файл. Тачпад не реагировал. Мышка зависла.

— Это техническая ошибка! — выпалила я, чувствуя, как лицо начинает гореть огнем стыда. — Кто-то подменил презентацию!

Кто-то засмеялся у прохода. Ему ответили ближе к сцене; я услышала своё имя, но не разобрала остальных. Наклонилась к ноутбуку ещё ниже. В динамиках завизжал мой микрофон. На секунду хотелось, чтобы этот визг продолжался: хотя бы не слышать их.

— Тише! — крикнула я, но мой голос сорвался на визг.

Из боковой двери вышла Кира. В своём безупречном костюме цвета хаки, с идеально уложенными волосами, она выглядела как королева, спускающаяся на казнь.

— Прошу прощения, — её голос был мягким, бархатным, полным фальшивой скорби. — Я тоже в шоке, Алина. Я месяцами разрабатывала концепцию «неоновых теней», просчитывала каждую градацию цвета. А ты... ты просто скопировала мои ранние наброски, которые я случайно оставила в общей библиотеке принтеров.

Жюри переглянулось. Декан прищурился.

— Подтверждаешь ли ты обвинение в плагиате? — спросил он, глядя на меня так, словно я была насекомым под микроскопом.

— Нет! — закричала я, и слезы, которые я так долго держала, прорвали плотину. — Это ложь! Эти файлы... они мои! Посмотрите на метаданные!

Я развернула ноутбук к жюри. Декан смотрел мимо экрана, на Киру. Преподавательница по этике подвинула к нему протокол. В строке для моей оценки уже лежала ручка. Они ещё не открыли ни одного файла, а писать собирались сейчас.

В заднем ряду, среди темноты, раздался звон стекла. Я повернула голову туда, где обычно сидели те, кому плевать на академические успехи. Марк. Сын декана, капитан команды дизайнеров, тот самый парень, который считал меня «слишком дешевой» для своего круга. Он крутил в руках бокал шампанского, хотя защита шла днем. Его лицо было закрыто тенью, но я видела блеск насмешки в глазах.

— Дешёвка всегда крадёт у тех, кто выше по классу, — его голос прогремел в микрофон, подключенный к системе зала. Это было нарушение протокола, но никто не остановил его. — Ты даже украсть толком не умеешь, Алина. У тебя вкус уровня «подарочный набор из супермаркета».

В зале захлопали. Аплодисменты сыпались на Киру, которая скромно кланялась, пряча победную усмешку. На меня же свалилась тишина презрения.

Решение декана прозвучало как приговор:

— Работа аннулирована. Стипендия приостановлена. Освободить комнату до утра. Следующий.

Я не помню, как вышла из зала. Ноги сами несли меня к выходу; на лестнице я едва не пропустила ступеньку. Тошнота подкатывала к горлу комком, мешая дышать. Я чувствовала себя голой, опустошенной, разбитой на мелкие осколки.

В коридоре общежития было пусто и темно. Я тащила свой чемодан, колесики которого скрипели по линолеуму, нарушая гробовую тишину. Вдруг путь преградила фигура в дорогом пальто.

Кира.

Она заблокировала дверь, ведущую в мою комнату, и прислонилась к стене, скрестив руки на груди.

— Ты была слишком яркой, детка, — прошептала она, наклоняясь ближе. От неё пахло дорогими духами и дешевым триумфом. — Тебе нужно было стать тенью. Извиняться. Молчать. Но ты решила, что можешь играть с нами на равных?

Её рука ударила по ручке незакрытого чемодана. Чемодан опрокинулся. Вещи высыпались на пол: тетради, карандаши, фотографии родителей, старая футболка. Всё смешалось в грязную кучу.

Фотография мамы легла лицом вниз рядом с Кириной туфлей. Я следила за каблуком. Ещё сантиметр — и он встанет прямо на неё. Хотелось оттолкнуть Киру, схватить снимок, закричать. Вместо этого подняла голову. Надо было запомнить её довольное лицо, пока она не успела снова изобразить обиженную.

— Запомни это лицо, Кира. Оно тебе пригодится, когда будешь смотреть на свою собственную могилу.

Кира фыркнула, развернулась и ушла, цокая каблучками. Я осталась одна посреди разбросанных обрывков своей жизни.

Собрав самое необходимое в пакет, я выбежала на улицу. Ливень обрушился мгновенно, холодные капли хлестали по лицу, смывая остатки макияжа и унижения. Воздух был тяжелым, мокрым, пах асфальтом и озоном. Я шла по мокрому двору, не чувствуя холода, только пустоту внутри.

Телефон в кармане завибрировал. Один раз. Второй.

Я достала его, трясущимися руками разблокировав экран. Сообщение от неизвестного номера, подписанного никнеймом «Critique»:

«Твоя композиция была гениальной. Их кража — жалкая имитация. Но ты всё равно проиграла, потому что играла по их правилам. Правила нужно ломать, а не соблюдать».

Я остановилась посреди лужи, вода доходила до щиколоток. Перечитала сообщение. Три раза. На третьем прочтении зацепилась за слово «гениальной». Он написал его о работе, не обо мне. Значит, видел мост. Может быть, даже видел, откуда взялись лучи под аркой. Я придвинула экран к лицу, заслонила ладонью от воды.

Кто этот человек? Почему он видел то, что скрыто от всех? Почему он знает о моей работе лучше, чем жюри?

Я подняла голову и посмотрела на окно общежития. Там, на четвертом этаже, в комнате Марка, горел свет. В силуэте, сидящем у окна, читалась расслабленная, почти звериная грация. Он наблюдал. Он знал.

Мокрая ручка пакета вытянулась в тонкую петлю и резала пальцы. Перехватила её, сунула телефон поглубже в карман. Кажется, я улыбалась. Глупо было улыбаться возле общежития, из которого тебя выгнали, но кто-то хотя бы назвал мою работу моей.

Если они хотят войны, я дам им войну. Но сначала мне нужно найти того, кто пишет анонимные критики. Потому что если есть тот, кто видит мою истинную ценность, значит, игра ещё не окончена.

Глава 2

Вернувшись за оставшимися вещами, я снова поднялась на свой этаж. Ключ-карта не сработала. Я прижала её к считывателю снова и снова. Большой палец уже ныл от того, как крепко я сжимала карту. Красный огонёк снова загорелся. Я подержала карту под ним дольше: вдруг надо не прикладывать, а ждать? За дверью остались куртка, книги, чистые листы для нового начала. Ноутбук и диск с исходниками я прижимала к себе в рюкзаке. Оставить их здесь я не смогла бы, даже если бы пришлось тащить всё остальное в зубах.

— Девушка, не шумите, — голос заведующей общежитием был сухим, как пергамент. Тетка с лицом каменной бабы стояла напротив, скрестив руки на груди. — Доступ закрыт из-за задолженности по оплате проживания. Освободите коридор или я вызову полицию за самовольное проникновение.

Попробовала пройти боком. Рюкзак застрял между мной и косяком, а заведующая уперлась плечом мне в грудь. Я отступила, чтобы не раздавить ноутбук. Вот и весь мой штурм. Дверь закрылась; я осталась с картой в руке, а за стеклом были видны мои кроссовки у кровати. Обувь дома. Хозяйка — в коридоре.

Именно в этот момент прошла Кира. Она не просто шла — она плыла сквозь воздух, окруженная свитой подруг, которые хихикали над чем-то своим, непостижимым для таких, как я.

— Бюджетница думала, ей дадут жить бесплатно? — её голос звенел, как фарфор, который бьют о стену ради развлечения.

Кира специально наступила на мой пакет с вещами, который я поставила у стены. Высокий каблук вдавил пакет в линолеум, смяв дешевый принт и футболку внутри. Я упала на колени, пытаясь поднять вещь одной рукой, пока другая судорожно держалась за холодные перила. Смех Киры ударил мне в уши. Я не заплакала. Слезам нет места в этом аду. На пакете осталась вмятина от каблука. Подняла его за дно, чтобы не порвался, и только тогда посмотрела на Киру. Надо бы сказать что-нибудь красивое. Ничего красивого не нашлось. Запомнила вмятину: почему-то она злила сильнее слов.

— Театр одного актера? — ленивый баритон раздался справа.

Марк стоял в дверном проеме своей комнаты, держа в руках недопитый кофе. Он выглядел так, будто проснулся после вечеринки, которую никто не организовывал. Его взгляд скользил по мне, как скальпель по коже. Исследовательский. Циничный. Как будто он изучал новый вид жука, застрявшего в янтаре.

— Помощь нужна? Или ты репетируешь роль жертвы перед зеркалом?

Я резко вскинулась, игнорируя боль в колене, где кожа уже натянулась на кости. Ярость затмила стыд.

— Ты трус, Марк, — выплюнула я ему в лицо. — Прячешься за папиной юбкой и называешь это властью. Твой проект был слабым. Но чужую работу ты добиваешь красиво. Это редкость.

Он не обиделся. Наоборот, его губы дрогнули в подобии улыбки. Он сделал шаг ближе, вторгаясь в мое личное пространство так, что я почувствовала запах дорогого табака и горечи кофе. Понизил голос до шепота, слышимого только нам двоим:

— Значит, ты выживешь. Жаль, что не здесь.

Свет в коридоре мигнул. Охранник, массивный как шкаф, подошел к нам. Его глаза скользнули по Марку и сразу стали услужливыми, почти заискивающими. А потом повернулись ко мне, как к мусору, который нужно убрать с крыльца.

— Разойдитесь. Сейчас же. Иначе вынесу твои чемоданы в контейнер во дворе силой.

Я схватила свой рюкзак — единственное, что еще могло считаться «моим». Документы, ноутбук, внешний диск. Большие вещи пришлось оставить. Теплая куртка, любимые кроссовки, книги. В тонкой куртке я замерзну, зато исходники будут со мной. Проверила молнию рюкзака и подхватила пакет.

Лифт молчал. Табло показало «занято», хотя внутри никого не было. Или был кто-то, кому было все равно. Я метнулась к лестничному пролету, чувствуя, как спина покрылась мурашками от страха и холода. На каждом этаже я встречала знакомых. Кто-то отводил глаза, делая вид, что рассматривает свои ногти. Кто-то хихикал, прикрывая рот ладонью. Я бежала вниз, вниз, вниз, пока не наткнулась на площадку второго этажа.

Илья сидел на ступеньках, перебирая чертежи. Он поднял голову, и в его глазах мелькнуло сочувствие. Он протянул руку, чтобы помочь мне встать, когда я споткнулась о край ступеньки.

— Алина...

Я одернула его руку, словно она была раскаленным железом. Он сказал моё имя так тихо, что я едва расслышала. Если остановлюсь, начну рассказывать. А если расскажу — расплачусь у него на ступеньках. Илья не заслуживал, чтобы я сорвалась на нём; всё равно я отняла руку слишком резко.

У выхода из корпуса меня ждали ребята из команды Марка. Не сам хозяин, а его псы. Они преградили путь, блокируя проход своими телами.

— Проверка на кражи, — усмехнулся один из них, тыча пальцем в мой рюкзак. — Из общего фонда колледжа ничего не уносишь?

Я открыла молнию, демонстрируя пустоту вокруг ноутбука. Их лица исказились разочарованием, но один из парней толкнул меня плечом. Телефон выскользнул из кармана и полетел вниз по ступеням. Экран разбился с хрустом, похожим на ломание костей. Под сеткой трещин светился экран. Я не могла разобрать, работает он ещё или нет: в глазах стояла темнота.

Шаги за спиной остановили их. Марк вернулся. Он увидел трещину на экране моего телефона, побледневшее лицо, мои сжатые кулаки. Один из парней тут же убрал руку от моего рюкзака. Второй шагнул к стене, пряча улыбку. Только что им было тесно в проходе, а для Марка место нашлось сразу. Но вместо помощи он достал свой телефон. Громко. Нарочито.

— Она здесь, — сказал он в трубку, глядя мне прямо в душу. — Заберешь? Нет, я не плачу. Я просто убираю мусор с моего крыльца.

Меня выворачивало от тошноты. Я услышала его до последнего слова, даже через гул у входа. Он знал, что я услышу. Он хотел, чтобы я услышала.

Я выхватила свой сломанный телефон, чувствуя острые края стекла в ладони, и толкнула дверь наружу. Ночь приняла меня в свои объятия. Дождь хлестал по лицу, смывая слезы, которые я не позволила себе пролить внутри.

Я шла к воротам кампуса, скользя по мокрому асфальту. Разбитый телефон завибрировал в ладони. Под трещинами экран ещё светился. Прикрывая его от дождя, я разобрала сообщение от анонимного аккаунта «Critique»:

«Не ходи к бабушке в область. Там нет интернета для загрузки портфолио. Иди в "Ночную библиотеку" на Арбате. Там розетки и тишина. Ты там будешь одна, но не одна. Доверься мне. Или умри от стыда. Выбор твой.»

Марк? Он только что звонил кому-то обо мне. Но этого было мало, чтобы приписать ему и сообщение. Я посмотрела на окна его этажа и спрятала телефон от дождя.

До бабушки надо было ехать с пересадкой. Я уже прикинула, где переждать до первого автобуса, — и теперь злилась на незнакомца за то, что он угадал. Но розетки мне действительно нужны. Открыла сообщение ещё раз и запомнила название библиотеки. Доверять ему необязательно. Взять у него адрес — можно.

Глава 3

Дождь барабанил по капюшону моей дешевой куртки, размывая контуры вечернего города. Я стояла перед «Чердаком» — местом, куда студенты нашего колледжа дизайна приходят выпить — и заодно подтвердить свой статус. Золотые буквы на вывеске светились так ярко, что резали глаза. После дождя глаза слезились от этого света. Из «Ночной библиотеки» сюда меня привела необходимость: там были розетки, но не было ни принтера, ни материалов. Там же переобулась в сменные кеды из пакета и сунула промокшие лодочки в рюкзак.

Меня не пускали. Охрана, здоровые парни с лицами каменных статуй, скрестили руки на груди, преграждая путь.

— Проход закрыт для лиц без брони, — рявкнул один из них, даже не глядя на мои мокрые кеды. — Иди домой, девочка. Тебе тут делать нечего.

В его тоне слышалась привычная скука. Для них я была мусором. Отчисленная, обесцененная, та, чью работу украли прямо во время защиты. Но я пришла сюда не за теплом. Мне нужны были принтер, бумага и ночь. Ночь, чтобы спасти то, что осталось от моего имени.

Я сделала шаг назад, будто сдавалась. Глупая бюджетница. Но пока охранник отвернулся к своим друзьям, я скользнула к служебному входу, где толстая официантка курила сигарету, щурясь от дыма. Она узнала меня. В её глазах мелькнуло сочувствие, но она тут же спрятала его за маской равнодушия.

— Ты не пройдешь, Алина. Марк будет в ярости.

— Он уже в ярости, — сказала я, доставая из кармана смятую салфетку и маркер. Я быстро набросала логотип: стилизованная черепашка с крыльями, символ скорости и уязвимости одновременно. — Это твой новый бренд. Эксклюзив. Бесплатно. Если ты проведешь меня внутрь.

Она посмотрела на рисунок. Увидела профессиональную руку, которую нельзя было подделывать. Кивнула молча, открыла дверь и скрылась в тених кухни.

В кухне было жарко, а в зале воздух пах виски и влажными воротниками. Подошвы кед липли к полу. Обходила столы так, чтобы никого не задеть рюкзаком: мне только разбитого бокала в счёт не хватало. Слева притихли, справа кто-то повернулся всем корпусом. «Это она? Та, кого Кира высмеяла?»

И вот она. За центральным столом, окруженная свитой из подхалимов, сидела Кира. Идеальная прическа, белоснежное платье, бокал шампанского в тонких пальцах. Она увидела меня раньше всех. Её губы растянулись в улыбке, которая не касалась глаз.

— Ого, — громко произнесла она, и тишина в зале стала звонкой. — Посмотрите, кто пожаловал. Бедная маленькая Алина. Решила попросить милостыню? Или может, хочешь присоединиться к нам? Мы как раз тост поднимаем... за твоё окончательное падение.

Смех. Грубый, неприятный смех моих однокурсников. Не ела с утра, и от смеха сразу свело живот. За Кирой был проход к столу Марка. Смотрела туда, считала шаги. Пройти мимо, не замедлиться, не посмотреть на её бокал. На шестом шаге чуть не повернула к кухне. На седьмом всё-таки прошла дальше.

Я прошла мимо стола Киры, не сбавляя шага, и направилась к дальнему углу. Там, в полутьме, сидел он. Марк. Король этого бала, сын декана, тот, кто публично назвал мою работу плагиатом, чтобы отвлечь внимание от собственного провала. Перед ним стоял недопитый стакан виски. Он смотрел в телефон, и его лицо было непроницаемым.

Он даже не поднял головы, когда я остановилась напротив.

— Марк, — сказала я. Голос дрогнул, но я подавила дрожь.

Тишина. Он продолжал листать ленту новостей. Его пальцы были длинными, изящными, с легким тремором, который я заметила только сейчас.

— Ты не видишь меня? — спросила я громче.

Наконец, он поднял глаза. Он смотрел сперва на мокрые рукава, потом на моё лицо. Такую проверку я уже проходила на входе. От Марка, оказывается, тоже полагался дресс-код.

— Я вижу тебя, Алина. Вижу, что тебе некуда идти. И это смешно. Ты думаешь, я дам тебе помощь? После того, как ты позоришь нашу альма-матер?

Я достала из кармана флешку. Мои исходники. Всё, что осталось от моего труда. Положила её на стол рядом с его бокалом. Звук пластика о дерево прозвучал как выстрел.

— Если я сгорю, ты тоже опозоришься перед деканом, — сказала я тихо, но каждое слово было гвоздем в его самолюбие. — Твой отец знает, что ты провалил проект. И он знает, что я могу рассказать правду о том, как ты использовал свои связи, чтобы закрыть рот критикам.

Марк замер. Его челюсть напряглась. Он медленно отложил телефон.

— Шантаж? — усмехнулся он, но в глазах мелькнуло раздражение. — Ты слишком слаба для шантажа, детка. Тебя украли, потому что ты была слишком открыта. Наивность — это болезнь, а ты хронически больна. Почему ты вообще пришла ко мне?

Я сделала глубокий вдох. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным никотином и высокомерием.

— Потому что мне нужна мастерская. Принтер. Материалы. Одна ночь.

— И почему я должен дать тебе это?

— Потому что я видела тебя в коридоре общежития сегодня вечером, — сказала я, и это был мой главный козырь. Я собирала вещи, когда услышала тихий всхлип. Я заглянула в щель двери. Марк сидел на полу, обхватив голову руками, и плакал. Тихо, беззвучно, но плечи тряслись от боли. — Ты плакал. Из-за оценки. Из-за отца.

Марк покраснел от шеи до ушей. Я прежде видела его красным только на фотографиях после вечеринок; сейчас никто не фотографировал. Он вскочил, зацепив стул коленом, и стул опрокинулся.

— Ты врешь!

— Может быть, — пожала я плечами. — Но слухи живут своей жизнью. А ты не можешь позволить миру увидеть, что сын декана — не железный бог, а мальчик, которого душат ожиданиями.

Он схватил свой пиджак, собираясь уйти.

— Ты жалкая. Иди к черту.

Он повернулся спиной и сделал три шага к выходу. Толпа в зале наблюдала за этой драмой с любопытством гиен.

Я не побежала за ним. Подняла его стул и села. Подняла его бокал с виски. Пальцы дрожали, но я сделала глоток. Виски обжег горло; я закашлялась, но глоток всё-таки проглотила.

— У тебя есть пять минут, — крикнула я ему в спину. — Пока я не расскажу всем здесь, что сын декана плачет из-за макета.

Марк остановился. Медленно обернулся. Его глаза метали молнии. Он вернулся к столу, нависая надо мной, как грозовая туча.

— Ты играешь с огнем, Алина.

— Я держу спичку, — ответила я, ставя бокал обратно. — Теперь слушай условия. Ты даешь мне доступ к ресурсам. А я молчу о твоей слабости. Но есть нюанс.

— Какой?

— Совместное авторство. Финального проекта. Ты подпишешь бумагу.

Марк рассмеялся. Горько, зло.

— Делиться славой с бюджетницей? Ты сошла с ума. Я буду использовать твои навыки, а потом выброшу тебя. Как мусор.

Он потянулся за ключами от машины, собираясь уйти навсегда. Я достала телефон. Открыла переписку с анонимным аккаунтом «Critique». Тот самый блог, который писал разгромные статьи о системе нашего колледжа. Статьи, которые я читала как молитвы.

— Посмотри, — я развернула экран к нему. — Кто-то уже знает правду. «Critique» начал защищать мою работу в сети. Говорит о коррупции, о краже идей. Если ты выкинешь меня, этот кто-то станет моим союзником. А ты останешься один со своим позором. И с отцом, который никогда не простит тебе, что ты стал посмешищем академии.

Он придвинул телефон, прочитал, поднял глаза на меня. Из-за трещины пришлось повернуть экран под другим углом. Марк не торопил. Я держала аппарат обеими руками и ждала, когда он опять скажет «мусор». Но он смотрел уже не на рюкзак и не на рукава.

— Ты либо гений, либо сумасшедшая, Алина, — наконец сказал он, и голос его был хриплым. — И мне нравятся оба варианта.

Он молча протянул мне связку ключей от своей личной мастерской в подвале корпуса. Когда наши пальцы коснулись, я почувствовала холод металла и жар его кожи. Его рука не отдернулась сразу. Он сжимал ключи так, будто передавал мне не железо, а часть своей души. Или свою цепь.

Дверь бара за нами захлопнулась, отсекая смех Киры. До кампуса дошли молча. Марк провёл меня через боковой вход корпуса к лестнице в подвал.

— Идем, — сказал Марк, не оглядываясь. — У нас мало времени.

Ступени вниз были узкими. Прижимала связку ключей к ладони, чтобы не звенела: вдруг он услышит и передумает? Дурацкая мысль, но пальцы не разжимались. Теперь у меня будет принтер. И Марк рядом с принтером. Одно без другого он, похоже, выдавать не собирался.

Впереди была ночь работы. Но впервые за долгое время я чувствовала не страх, а азарт. Мы стали опасными партнерами. И я не собиралась проигрывать эту игру. Даже если цена победы — моя душа.

Глава 4

За ночь мы успели собрать только грубый макет. Утром Марк забрал ключи и запер мастерскую: обещанная ночь кончилась. А мне ещё нужно было доказать, чей мост украла Кира.

На стенде возле деканата висело новое объявление: один оплаченный стажёрский грант от «Глобал Арт». Концепт и визуализация, обязательный дуэт. К защите допускали и тех, чьи учебные проекты провалились, — если новый проект они представят вместе. Я сфотографировала условия. Марк больше не мог притворяться, что я нужна только для раскрашивания.

Служебный вход в деканат пах хлоркой и старым линолеумом. Я прижала ладонь к холодному металлу двери, чувствуя, как колотится сердце — не от страха, а от злости. Пропуск у меня отобрали вместе со стипендией, но я знала: охранник Валера любит пересчитывать монетки в кармане куртки перед началом смены. Это его ритуал.

Валера стоял спиной, разговаривая по телефону о футболе. Его рука лежала на кармане. У порога валялся чужой пропуск. Подобрала его, сделала шаг и, пока Валера поправлял шапку, уронила карту у его ног. Валера заметил карту и наклонился за ней, не прерывая разговор. А мне нужны были именно эти секунды.

Он задержался над картой. Я юркнула в коридор, пока Валера ругался, поднимая пластик с пола. Но радоваться рано. Коридор был заполнен студентами-выпускниками, и среди них сияла Кира. Она шла посередине, окруженная свитой, и её часы — те самые «Apple Watch Ultra» за сто тысяч — ловили свет ламп.

— Ой, кто это бродит по нашему этажу? — голос Киры звенел, как битое стекло. — Алина? Ты забыла, что бюджетникам здесь делать нечего? Кроме как собирать мелочь для нового платья?

Она подняла руку, демонстрируя экран часов. Там крутилась анимация — мой эскиз. Мой дизайн интерфейса, который она стянула три дня назад. Она даже не удосужилась переделывать цвета. Просто взяла и показала всем, как свою идею.

Мои пальцы впились в ткань джинсов. Хотелось кричать, броситься, царапать эти дорогие часы до металла. Но над дверью горел красный индикатор камеры наблюдения. Любая драка означала бы конец. Полное отчисление без права апелляции.

Я выпрямила спину. Подбородок вверх. Взгляд прямой, пустой. Ни капли стыда.

— Хорошая копия, Кира, — сказала я ровно, проходя мимо неё плечом к плечу. — Жаль, что ты не умеешь рисовать оригиналы.

Её лицо исказилось, но я уже была за углом. Внутри меня всё горело синим пламенем, но снаружи я оставалась льдом. Ярость стала топливом. Мне нужен был Марк.

VIP-зона студенческого кафе «Аквариум» называлась так потому, что за стеклами плавали золотые рыбки, а цены на кофе начинались с трёх нулей. Здесь сидели дети владельцев брендов, которые учились дизайну ради статуса.

Марк занимал угловой диван из белой кожи. Рядом с ним две девушки в платьях от Gucci листали ленты соцсетей, обсуждая новую коллекцию Prada. Он смотрел в окно, вертя в руках стакан виски (безалкогольного, правила есть правила), и выглядел так, будто ему скучно быть самым богатым и самым жестоким парнем в кампусе.

Я подошла. Спутницы замолчали, уставившись на мои потертые кеды и растянутую футболку. Одна из них фыркнула, пряча улыбку за бокалом.

— Иди отсюда, нищая, — бросила она, не поднимая глаз.

Марк даже не повернулся.

— У нас тут приватная беседа о моде, Алина. Тебе лучше вернуться в свой... где ты сейчас живешь? На скамейке?

Он демонстративно развернулся спиной, продолжая разговор о трендах сезона. Он говорил с девушкой через своё плечо. Она смеялась, глядя на меня, — и ни один из них не предложил даже отодвинуть сумку со свободного стула.

Я не ушла. Сдвинула сумку и села напротив него, на стул у середины стола, между двумя девушками. Они возмущенно шикнули, но я достала из кармана куртки флешку. Ту самую копию черновиков, которую я успела сохранить перед тем, как Кира удалила файлы с моего облака.

Положила её на стол. Пластик коротко стукнул о дерево. Марк перестал говорить на середине слова. Хорошо. Мне и нужна была эта середина.

Марк медленно обернулся. Его глаза, серые и холодные, скользнули по флешке, потом по моему лицу. В них мелькнуло любопытство.

— Что это?

— Твой шанс перестать быть скучным наследником, — ответила я. — Или твой риск потерять лицо окончательно.

Он взял флешку, подкинул её в воздух и поймал. Потом посмотрел на своих спутниц.

— Вы можете идти. Я сам разберусь с мусором.

Девушки переглянулись, но подчинились. Как только они отошли, Марк нажал кнопку на телефоне. Экран ноутбука, который лежал рядом, засветился. Он подключил флешку. Папки открылись. Черновики, наброски, слои Photoshop. Всё там.

— Красиво, — протянул он, скучающе листая папки. — Очень... бюджетно. Знаешь, в чем проблема твоего таланта, Алина? В отсутствии вкуса. Ты копируешь тренды, потому что не можешь их создать.

— Это не копирование. Это адаптация, — огрызнулась я.

— Нет, это заимствование. Ты бы сама увидела, если бы умела думать. — Он усмехнулся, злобно и красиво. — Давай так. Я могу стереть это всё одним движением. Или могу помочь тебе получить доступ к архивам сервера деканата, где хранятся метаданные твоих файлов. Доказательство авторства.

Сердце пропустило удар. Архивы. Именно то, что мне нужно. Чтобы доказать, что проект мой, а не Кире.

— Цена? — спросила я.

— Признание. Громко. Перед моими друзьями, которые сейчас вернутся. Скажи, что ты гений только потому, что родилась в правильном году и правильно считала лайки. Скажи, что твой талант — это случайность.

У меня зачесалась шея под воротом. Сказать это сейчас — и потом они будут пересылать друг другу моё признание. Уже даже подпись к ролику видела: «Гений объясняет свой успех». Марк ждал. Я смотрела на его стакан, чтобы не сорваться раньше, чем придумаю ответ.

Я молчала пять секунд. Марк ждал, победно постукивая пальцами по столу.

А потом я схватила салфетку, лежащую под его бокалом. Белую, дорогую, с тиснением логотипа кафе. И начала рисовать.

Не ручкой. Я макнула палец в чай, оставленный одной из девушек, и смешала каплю с графитовой пылью от карандаша на столе. Быстрыми движениями нанесла линии на ткань, рядом с его рукой.

— Ты чего делаешь?! — вскрикнула одна из девушек, возвращаясь.

Марк замер. Его пальцы застыли на краю мокрой салфетки. Он мог бы отдернуть её. Он не стал.

На салфетке рос портрет. Быстрый, экспрессивный, но технически безупречный. Линии были точными, тени глубокими. На переносице осталась резкая тень, а рот вышел чуть злее, чем у оригинала. Марк перестал вертеть бокал. Вот теперь смотри.

Я закончила за тридцать секунд. Скомкала салфетку и швырнула её обратно на стол.

— Мой талант не случайность, Марк. Он опасен. И если ты сотрешь файлы, ты потеряешь единственный инструмент, который может спасти тебя от провала на конкурсе. Потому что без моих исходников твой концепт останется пустой оболочкой.

Девушка с телефоном перестала листать ленту. Вторая потянулась было к салфетке, но Марк накрыл её пальцами. Мокрый край прилип к столу. Он отделил ткань осторожно, чтобы не размазать тень на лице.

Марк посмотрел на салфетку. Его челюсть сжалась. В глазах блеснуло что-то новое. Не презрение. Восхищение. Смесь ярости и признания силы.

Он аккуратно развернул салфетку, разгладил складки и положил её в свой дорогой кожаный бумажник. Прикрыл его ладонью, словно я ещё могла забрать рисунок.

— Ловушка удалась, — произнес он тихо, глядя мне прямо в глаза. — Но условия изменились. Я дам тебе доступ к архиву. Но взамен ты станешь моей музой на время подготовки к конкурсу. Мы будем работать вместе.

— Музой? — я фыркнула. — Это сексизм, Марк. Я не буду позировать для твоего эго.

— Тогда я стираю файлы, и ты идешь пешком домой — к дому, которого у тебя больше нет, с пустыми карманами и без всякой надежды.

— Нет, — я встала, опираясь руками на стол, нависая над ним. — Мы партнеры. Равные. Ты даешь ресурсы, я даю навыки. Если ты будешь обращаться со мной как с вещью, я сдам проект комиссии как незавершенный. И тогда твой отец узнает, что его сын не смог найти нормального исполнителя. Твой статус треснет быстрее, чем моя жизнь.

Марк долго смотрел на меня. Потом его губы дрогнули в полуулыбке. Циничной, но уважительной.

— Хорошо. Равные партнеры. Но работа только ночью. В моем номере. Чтобы никто не видел, как принц падшего ангела общается с демоницей из бюджета.

— Идет, — согласилась я.

Я забрала флешку и сунула в карман, прежде чем он успел добавить ещё одно условие. Архив будет доступен. Пусть пока на одну ночь, пусть рядом с ним. Это уже больше, чем он хотел дать мне минуту назад.

Но когда мы зашли в его номер в общежитии, я поняла, что игра еще не началась. Только разогрев.

Глава 5

Комната Марка была стерильно чистой. Минимализм, который стоил миллионы. Он сел за рабочий стол, подключил ноутбук и протянул мне наушники.

— Вход в архив через локальную сеть. Пароль тот же, что и на Wi-Fi. Заходи. Скачивай свои метаданные.

Я села на край кровати, подключилась к сети. Экран компьютера осветил лицо. Я начала поиск файлов. Проект «Neon». Дата создания. Автор. Всё было там. Мои данные. Сохранила выгрузку журнала на флешку. Но это были строки учёта, а не резервная копия старых слоёв: для комиссии одних строк могло не хватить.

Но вдруг я заметила странность. В логах доступа. Каждый файл, который я открывала, помечался специфическим хэшем. «Trace_ID_77». Я знала этот код. Это была метка системы слежки, которую я сама разработала для учебного проекта два года назад. Марк использовал её.

Метка появлялась после каждого открытия файла. Он записывал мои действия. Зачем — чтобы следить за работой или собрать компромат? Проверять это на себе мне не хотелось.

Надо было просто скачать свои данные и выйти. Я даже подвела курсор к кнопке. Но метка снова появилась в журнале, и палец остановился над тачпадом. Если Марк собирается смотреть, я сама выберу, что он увидит.

Я быстро переключила окно. Открыла папку «Удаленные». Там лежали старые черновики Киры. Те самые, которые она выбрасывала, думая, что они бесполезны. Теперь они лежали в серверной корзине, ещё не очищенной после удаления.

Я начала загружать их в архив Марка. Не свои файлы. Её. Старые, неудачные, с ошибками в коде и кривыми линиями. Я добавляла комментарии, метки времени, правки. Я создавала цифровую историю, где Кира была не королевой, а графоманкой.

Если система логирует действия, пусть логирует грязь. Пусть Марк видит не гения, а того, кто способен уничтожить репутацию соперника через её же прошлые ошибки.

Я закрыла окно и отключилась.

— Готово? — спросил Марк, не оборачиваясь.

— Почти, — ответила я, собирая вещи. — Нужно проверить целостность данных.

Он кивнул, сосредоточенно печатая что-то на клавиатуре.

Я подошла к двери, подхватив рюкзак и пакет с вещами. Свет в комнате мерцал, создавая длинные тени.

Марк вдруг остановился. Его взгляд упал на экран ноутбука. Там высветилось уведомление: «Загрузка завершена. Обнаружены поврежденные пакеты. Файлы изменены».

Он медленно поднял голову. Посмотрел на меня. В его глазах читалось недоумение, которое постепенно превращалось в понимание.

— Ты либо гений, либо идиотка, — сказал он тихо, и в голосе не было обычной язвы. Было напряжение. — И я пока не решил, кто из нас больше рискует.

У ручки двери задержала ладонь. Снова посмотрела на уведомление. Теперь он был занят им, а не моими вещами.

— Увидим завтра, партнер.

Он выключил верхний свет. От ноутбука на пальцах оставалось синее пятно, и Марк ещё смотрел на загрузку. Я вышла, не помогая ему разобраться. Партнёрство партнёрством, а отвечать за каждый мой щелчок мышью я ему не нанималась.

В мастерской Марк включил только лампу над своим столом. Клавиатуру видно, свободный табурет — едва. Я постояла у двери, пока глаза привыкали, и сразу решила: если шатается, ножку подложу его распечатками. Пусть хоть чем-нибудь послужат.

— Садись, — бросил Марк, не отрывая глаз от монитора. Он уже занял единственный удобный стул с ортопедической спинкой. Мой вариант — жесткий пластиковый табурет на шатких ножках.

Я уселась на подлокотник его кресла. Пусть сам попробует четыре часа на этом табурете. Но Марк даже не повернул головы. Просто сдвинулся корпусом, используя вес тела как таран. Локоть упёрся мне в ребра. Воздух вышел из легких. Слезла с подлокотника, потирая ребра. Вот и расселись как партнёры.

— Я решаю структуру, ты красишь, — сказал он тоном учителя начальных классов, объясняющего сложную теорему тупому ученику.

— Структура без души — это скелет в шкафу, — огрызнулась я, разворачиваясь к своему углу.

Я начала с наглости. Смешала кислотный неон с грязным хаки. Это было вызовом жюри, криком «я живая». Марк молча посмотрел на мой слой, щёлкнул мышью и удалил его. Без подтверждения.

Стилус полетел в стену. Пришлось самой лезть за ним под стол: Марк даже не шевельнулся.

— Верни! — рявкнула я.

— Коммерческий проект не терпит истерики, Алина. Твой «арт» стоит денег только если его продают дуракам. Нам нужны продажи.

У него были цифры продаж и примеры, где покупали именно такую чистую, гладкую картинку. У меня — удаленный слой. Возражать стало нечем, и я злилась ещё больше: мне хотелось нарисовать лучше, а приходилось доказывать, что моё вообще можно продать.

Я схватила бумагу и карандаш, пытаюсь работать параллельно, игнорируя его цифровое превосходство. Рука дрожала от напряжения. Кофе в бумажном стаканчике качнулся. Жидкость потекла по столу, к вентиляционным отверстиям ноутбука Марка.

Он вскинулся так, будто я облила его кислотой. Лицо исказилось гримасой ярости, граничащей с паникой. Он вырвал салфетки, вытирая технику, шипя сквозь зубы:

— Ты вообще думаешь головой? Ты видишь, куда льешь? Или тебе плевать и на технику, и на наши файлы?

Сначала он схватил ноутбук, а уже потом посмотрел на меня. Не на лужу, не на рукав. На экран. Пока изображение не появилось снова, даже орать толком не мог.

— Перерисуй логотип, — приказал он, когда драма с кофе улеглась. — Три раза. Отступы должны быть идеальными.

Марк встал позади. Его дыхание обожгло затылок. Каждое движение моей руки комментировалось низким голосом: «Не туда. Слишком жирно. Мертво». Я чувствовала, как мурашки ползут по спине, но это были не искры страсти, а электрические разряды тревоги.

— Ты давишь на меня так же, как Кира на защите! — сорвалась я, резко отодвинувшись.

Он перестал поправлять мою линию. Стилус остался под его пальцами, но дальше он его не повёл. Я ждала ответа. Марк посмотрел на меня, потом на логотип и опять отвернулся.

Я включила музыку. Громко. Басы трясли стекла. Мне нужно было заглушить его контроль своим шумом.

Марк нажал на пульт. Басы оборвались, и я слышала, как табурет скрипнул подо мной.

— Если хочешь победить, научись слушать тишину, — сказал Марк, не повышая голоса. — Твой шум мешает мне думать.

Без музыки было слышно, как он нажимает пробел. Один удар, второй. Я закусила деревянный конец карандаша, чтобы не ответить на очередное «мертво» тем словом, которое вертелось на языке.

Пытаясь найти выход из творческого тупика, я рванула к роутеру. Wi-Fi горел красным. Отключен.

— Зачем? — спросила я, оборачиваясь.

Марк спокойно отпил воды из бутылки.

— Чтобы мы работали с локальными файлами. И друг с другом. У нас осталось четыре часа. Или ты работаешь со мной, или остаешься на улице.

Проверила значок сети на своём экране. Всё тот же крестик. Выходить в коридор ловить сигнал — потерять время, остаться — согласиться с ним. Подвинула к себе бумагу: её хотя бы можно было забрать без пароля.

На грани нервного срыва я случайно открыла папку на рабочем столе. «Архив_Отказов». Сотни вариантов логотипа. Все технически безупречны. Все мертвы. Ни одной ошибки, ни одной живой линии.

Я подняла глаза на Марка. Он смотрел в окно, спиной ко мне. Плечи напряжены.

— Ты ненавидишь мой стиль, потому что он живой? — тихо спросила я.

Тишина. Он не обернулся, но я видела, как дрогнула его рука, сжимающая бутылку. В этой папке он не выбросил ни одного отказа. Листал их, переделывал и снова сохранял. Неужели мои линии злили его именно тем, что я решалась их оставить?

После папки с отказами я не знала, как заговорить с ним снова. Мне нужно было уйти. Подышать.

Я вышла через коридор во двор общежития. Холодный ноябрьский ветер бил в лицо. Я прикурила сигарету, глядя на светящееся окно мастерской. Там сидел враг, который боялся проиграть больше, чем жить.

Дым смешивался с туманом. Я затаилась глубоко, позволяя никотину успокоить сердцебиение. Нужно принять правила игры. Нужно стать частью этого механизма, чтобы однажды его сломать.

Через десять минут я вернулась в мастерскую. Дверь скрипнула. Марк не поднял головы.

Но на столе, поверх моих черновиков, лежал лист бумаги. Заявка на стажёрский курс с обязательством совместного авторства. Подпись декана была сверху. Ниже, рядом с пустой строкой для моего имени, стояла подпись Марка. Чернила ещё блестели на последнем росчерке.

Под моей строкой белело место для подписи. Марк своё имя поставил, моего ещё не было. Я долго смотрела на этот зазор. В договорённости двух людей обязательно должна участвовать вторая — хотя бы та, которой сейчас велят красить. Взяла ручку. Подписала только после того, как проверила оба имени: ни «музы», ни наёмной раскрашивательницы в заявке не было.

Глава 6

Скипидаром пахло даже в коридоре. Раньше мне нравилось: открываешь дверь, и ясно, что здесь работают. Сегодня я задержала дыхание. После подсобки от любого запаха мутило.

Я пришла в шесть утра, пока город ещё спал под серым одеялом ноябрьского тумана. Мне нужно было пятнадцать минут. Всего пятнадцать, чтобы привести себя в порядок после ночи, проведённой на холодном линолеуме подсобки. Смыть с лица следы сна, разгладить блузку, которая теперь висела на мне мешком, и найти хоть какой-то смысл в том, что я вообще здесь сижу.

Но шкафчик был взломан.

Не просто открыт — вырван с мясом. Дверца болталась на одной петле, а внутри меня ждал «подарок». Мокрая тряпка, пахнувшая хлоркой, лежала поверх моего единственного эскиза концепта для конкурса. Бумага раскисла, чернила потекли, превращая строгие линии архитектуры в грязные кляксы. Рядом, аккуратно сложенная, лежала записка: «Грязь смывает только время. Или деньги».

Кира.

Поддела мокрый край ногтем. Лист оторвался вместе с линией, которую я вчера выводила дольше всего. Нужно сфотографировать. Нужно позвать куратора. Вместо этого собирала куски на сухую сторону папки и всё прикидывала, как восстановить угол здания. На жалобу уйдет утро, а рисунка к концу утра всё равно не будет.

Я выбросила тряпку в урну, промокнула лицо салфеткой из кармана и вышла в коридор. Нужно было выглядеть так, будто ничего не произошло. Будто я королева, а не бездомная крыса.

Но Кира уже ждала.

Она стояла посреди коридора, окружённая своей свитой — двумя парнями из потока графического дизайна и девушкой, которую все называли её тенью. Кира поправляла идеальную прядь волос, и её улыбка была такой же холодной, как лезвие скальпеля.

— Ой, кто это? — её голос звучал на весь этаж, звонко и насмешливо. — Наша маленькая нищая гений? Ты знаешь, Алина, ты сегодня выглядишь... специфично. Пахнет дешевым мылом и отчаянием. Это новый тренд?

Смеющиеся студенты обступили нас полукругом. Кто-то достал телефон. Кира шелкнула пальцами, демонстрируя экран. Там было фото. Моё. Снятое ночью, когда я уснула прямо на полу общежития, свернувшись калачиком, потому что дверь в комнату была закрыта на ключ. На фото мои волосы растрепаны, лицо в тени, глаза закрыты. На фото даже дырка у носка была видна. Я сама её ночью не заметила, а Кира приблизила двумя пальцами.

— Извини, — сказала Кира, подходя ближе. Её духи били в нос тошнотворной сладостью. — Ты вторглась в моё личное пространство своим видом. Мне некомфортно смотреть на твоё поражение. Так что извинись. Публично. Перед всеми.

Это был абсурд. Она требовала извинений за то, что я существовала рядом с ней. Но толпа уже замерла в ожидании. Смех стал фоном, гулом, который вибрировал у меня в висках.

Я посмотрела ей прямо в глаза. В её голубые, пустые, как аквариум, глаза.

— Иди на хуй, Кира, — тихо сказала я.

И прошла мимо. Плечом к плечу. Почувствовала запах её дорогого шампуня и свою собственную, липкую от страха и усталости кожу.

Но уйти удалось недолго. Куратор проекта, седой мужчина с вечным прищуром неудовлетворенности, вызвал меня в свой кабинет через пять минут. Он не смотрел на мои руки, дрожавшие от холода. Он смотрел на планшет, где красовался скриншот из чата потока: обсуждение моего «грязного» вида и инцидента в мастерской.

— Алина, — начал он, поправляя очки. — Твои работы технически сильны. Но твой социальный статус дестабилизирует группу. Конфликт с однокурсницей перешёл в физическую плоскость. Унижение коллеги публично. Это нарушение этики. Либо ты пишешь объяснительную и признаёшь, что спровоцировала конфликт своим внешним видом и поведением, либо снимаешься с конкурса ради здоровья коллектива.

«Здоровье коллектива». Как будто мой голод и бессонница были проблемой их психики.

Я встала. Стул заскрипел, как старая кровать в общежитии.

— Моя работа говорит сама за себя, — сказала я. Голос не дрогнул. Ни единой ноты. — Я не буду писать объяснительных за то, что кто-то другой решил сделать из моей жизни цирк.

Я развернулась и вышла. Дверь не закрыла: боялась, что если задержусь ещё на секунду, возьму со стола его планшет и ткну в скриншот. Вот оно, нарушение этики. Написано теми, кого он просит защищать.

В коридоре меня ждал Марк.

Он стоял, прислонившись спиной к стене, и листал ленту новостей в телефоне. Его лицо было непроницаемым, но я видела, как напряжены его скулы. Когда он поднял глаза, в них не было обычной высокомерной насмешки. Был холодный, колющий интерес.

— Ты действительно спала там? — спросил он, не удосужившись ни приветствием, ни сочувствием. — Или ты просто ленивая и любишь драму ради внимания?

Эти слова ударили сильнее насмешек Киры. Потому что он знал правду. Подсобку он знал. Не мог не догадаться, куда я уйду после работы, если меня не пускают в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.